

ГЛАВА 3. ЖЁЛТАЯ ПТИЦА (I)

Восемнадцатый год девиза Жиюань. Даду.

— Пошёл!

— Быстрее!

На улице Аньчжэньмэнь яблоку негде было упасть, но два чистокровных ахалтекинца неслись сквозь толпу во весь опор. Всюду вспыхивали крики и переполох, но никто не осмеливался возмущаться вслух.

И на то была причина: один из всадников, Лянь Шэнь, приходился племянником недавно почившему Верховному государственному советнику Ляню, а другой — Хацзиэр — был любимцем самого генерала Баяна.

В охваченной паникой толпе внезапно оказались отец с дочерью — как раз на пути одного из скакунов.

— С дороги! — выкрикнул юноша в седле.

Но было поздно. Конь, летевший словно стрела, на всём скаку врезался в мужчину. В последнее мгновение тот успел лишь оттолкнуть свою тринадцатилетнюю дочь в сторону.

Кровь брызнула на мостовую.

— Убили! Человека задавили! — загудела толпа.

— Папа!!! — истошно закричала девочка.

— Тпру-у! — Всадник натянул поводья. Скакун взвился на дыбы, оглашая окрестности протяжным ржанием.

— Успокойся, Погоня за облаками, — бросил юноша.

Второй всадник остановился рядом, мельком взглянул на распростёртое тело и заметил:

— Лянь Шэнь, ты раздавил китайца.

У этого юноши были густые, резкие, словно мечи, брови и бледный шрам на щеке, который

придавал его красивому лицу суровое и холодное выражение. За прошедшие четыре года Хацзиэр возмужал, в его взгляде прибавилось спокойствия, но и угрозы тоже.

— Ты проиграл, — добавил он.

Лянь Шэнь недовольно нахмурился.

— Хацзиэр, ты издеваешься? У него глаза на затылке были, что ли? Он сам под копыта бросился, почему это я проиграл?

Из их разговора зеваки поняли: эти двое устроили скачки прямо посреди города.

Шёпот в толпе стал громче. Хацзиэр прищурился и, обведя людей тяжёлым взглядом, небрежно бросил:

— Что за шум?

Прохожие мгновенно смолкли. Опустив головы, они поспешили разойтись, не смея проронить ни слова. Улица, только что забитая народом, вдруг опустела. Лишь отчаянный, надрывный плач девочки резал слух.

Лянь Шэню стало не по себе от того, что он теряет лицо.

— Заткнись! — прикрикнул он.

Девочка тут же умолкла. Несмотря на юный возраст, она уже знала законы выживания в этом мире. Со слезами на глазах она намертво зажала рот ладонями и, не мигая, в ужасе уставилась на Лянь Шэня.

Его, кажется, позабавила такая реакция. Он сорвал с пояса кошель с деньгами и швырнул его к ногам сироты.

— Проваливай.

Хацзиэр безучастно наблюдал со стороны. Смерть какого-то китайца для него ровным счётом ничего не значила.

— Ну? Чего застыла? — не выдержал Лянь Шэнь, видя, что девчонка не шевелится.

— Мой папа... он умер... мне нужен папа... — пролепетала она, захлёбываясь слезами.

Стоило ей заговорить, как рыдания хлынули с новой силой. Лянь Шэнь раздражённо повёл плечом, а Хацзиэр не выдержал и негромко рассмеялся.

— Ты тоже замолчи, — огрызнулся на него приятель.

Хацзиэр примирительно поднял руку:

— Ладно, ладно, молчу. И что ты теперь будешь делать?

Заметив, как рука Лянь Шэня легла на рукоять сабли, Хацзиэр едва заметно усмехнулся. Ему явно хотелось посмотреть, как тот выпутается из ситуации.

— Убийство среди бела дня — это тебе не случайный наезд, — подлил он масла в огонь.

Лянь Шэнь фыркнул, убрал руку от оружия и, глядя на девочку сверху вниз, процедил:

— Там сто лянов серебра. Этого хватит, чтобы купить десять таких жизней, как у твоего папаши. Что тебе ещё нужно?

Девочка, дрожа, вцепилась в ещё тёплую руку отца и не смела поднять глаз.

— Онемела? — бросил Лянь Шэнь.

Видя, что тот вот-вот окончательно выйдет из себя, Хацзиэр пришпорил коня. Его скакун, обученный беспрекословному подчинению, тут же тронулся с места.

— Брось, что ты связался с девчонкой... Скука смертная. Поехали.

Лянь Шэнь, не желая больше возиться с оборванкой, последовал за ним. Но не успели они отъехать и на десяток шагов, как сзади раздался властный окрик:

— Стоять!

Лянь Шэнь замер и медленно обернулся. Ему стало любопытно, кто в этом Даду осмелился говорить с ним в таком тоне.

Хацзиэр тоже с удивлением развернул коня.

Рядом с девочкой на корточках сидел юноша в поношенной, латаной безрукавке. Он был худощав, даже хрупок, с заострившимся подбородком. Рукавом он вытирал слёзы с лица

ребёнка, а когда поднял голову, он смотрел с яростью.

«Красавец, — мелькнула мысль у Хацзиэра. — Жаль, что так зубами скрежещет от злости... Интересно, каков он, когда улыбается?»

— Лань-ге, не надо... — Девочка испуганно потянула юношу за рукав. Она не знала этих двоих, но нутром чуяла — им не стоит переходить дорогу.

Но всадники уже вернулись.

— Не бойся, Маньэр, — успокоил её Сун Чжи. — Я помогу.

Бай Маньэр замолчала и, робко взглянув на вернувшихся вельмож, кивнула.

Лянь Шэню, которого давно никто так не одергивал, ситуация показалась занятой. Остановив коня рядом с телом, он окинул Сун Чжи высокомерным взглядом:

— Ты ещё кто такой?

Сун Чжи, зная, что именно этот человек лишил Маньэр отца, не скрывал своего презрения.

— Ничтожный простолюдин, не заслуживающий вашего внимания. Но неужели благородный господин думает, что можно вот так, среди бела дня, задавить человека насмерть и откупиться жалкими монетами?

Лянь Шэнь так и прыснул от смеха:

— Сто лянов! За эти деньги можно купить десяток таких китайцев. Тебе всё мало?

— А вы, монголы, все такие дикари? — холодно усмехнулся Сун Чжи.

Лянь Шэнь весело переглянулся с приятелем.

— Прости, но я уйгур, а не монгол.

Он указал подбородком на Хацзиэра:

— Вот он — монгол.

Хацзиэр лениво посмотрел на Сун Чжи сверху вниз.

— У тебя есть какие-то претензии к нам, монголам?

Сун Чжи открыл было рот, но Маньэр снова дернула его за край одежды, умоляюще покачав головой. Он сцепил зубы, подавляя гнев, и выдохнул:

— Не смею.

— Вот и славно, — заключил Хацзиэр. — Иначе я не прочь оставить здесь ещё один труп.

Лицо Сун Чжи потемнело, но он промолчал. В памяти вдруг всплыло, кто стоит перед ним.

В четырнадцатый год Жиюаня в уезде Пуцзян он уже видел этого человека. Сын генерала Худуху, нынешний фаворит в ставке Баяна — Хацзиэр, носивший китайское имя Мэн Хуань и второе имя Чжэннань. С пятнадцати лет он сражался под началом Баяна. Пару месяцев назад он вернулся из похода на Японию. И хотя монгольский флот потерпел сокрушительное поражение, девятнадцатилетний Хацзиэр сумел отличиться перед Его Величеством и вместо наказания получил повышение — чин офицера Сюю.

Рядом с ним был Лянь Шэнь, которого Сун Чжи не знал, но не сомневался — это ровня Мэн Хуаню.

Жаловаться на таких людей властям бесполезно. Чиновники не просто побоятся принять прошение, они скорее обвинят его самого, лишь бы угодить двум молодым господам. Да и что толку? По закону: «За лихую езду, повлёкшую смерть, полагается семьдесят семь ударов палками и уплата серебра на погребение». У Лянь Шэня денег куры не клюют, а бить его палками никто не рискнёт.

Мэн Хуань скользнул по нему презрительным взглядом и бросил:

— Ничтожество.

После чего развернул коня и уехал.

«Ничтожество».

Сун Чжи до боли сжал кулаки. Четыре года назад Мэн Хуань сказал ему то же самое.

Когда копыта коней стихли вдали, Маньэр тихонько позвала:

— Лань-ге... Пойдём домой?

Сун Чжи очнулся. Девочка с заплаканным лицом смотрела на него с тревогой. Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. «Сун Чжи, — подумал он про себя, — даже эта девчонка сильнее тебя».

Он кивнул, помог Маньэр подняться и, взвалив тело её отца себе на спину, сказал:

— Пойдём.

За четыре года Сун Чжи вытянулся и немного окреп. Он не стал немощным книжником, не способным поднять ничего тяжелее кисти, — напротив, он превратился в «ложного учёного», умеющего всё, кроме продвижения по службе. Донести взрослого мужчину для него не составило большого труда.

Всю дорогу Маньэр молчала и больше не плакала.

Семья Бай жила в переулке Синшунь квартала Даньгуй, совсем рядом. Отец девочки, Бай Чуньло, выступал под сценическим именем Бай Шестьдесят Шестой — по дате своего рождения. Он был актёром.

Вскоре Сун Чжи донёс дядю Бая до дверей дома. Маньэр отодвинула засов, и они вошли во двор. Мать девочки, урождённая Чжу, которую все звали тётей Бай, услышала шум и вышла из комнаты. Увидев дочь, она строго спросила:

— Маньэр, почему так поздно? А где отец?

Стоило ей заговорить, как Маньэр снова разрыдалась. Тётя Бай только тогда заметила Сун Чжи и его страшную ношу. Она мгновенно побледнела..

— Лань-гэер? — дрожащим голосом спросила она. — Твой дядя Бай...

Сун Чжи моргнул, пытаясь сдержать подступившие слёзы, но безуспешно.

— Дяди Бая... больше нет.

Тётя Бай вздрогнула и жалко попыталась улыбнуться:

— Не шути так, Лань-гэер. Твой дядя утром уходил живой и здоровый...

— Прямо на дороге... два монгола на конях... неслись очень быстро... — всхлипывая,

проговорила Маньэр. — Папу насмерть...

Женщина перестала улыбаться. Она застыла, а потом уставилась на тело за спиной Сун Чжи. Из-под его локтя виднелась лишь часть головы, но тётя Бай знала — это её муж. Кровь залила ему пол-лица и густо перепачкала одежду Сун Чжи. Тяжёлый, тошнотворный запах железа повис в воздухе. Бай Чуньло лежал неподвижно, в нём не осталось ни капли жизни.

— Тётя Бай, давайте я занесу его в дом, — тихо предложил Сун Чжи.

Она попыталась что-то ответить, но лишь молча кивнула, глотая слёзы.

— Спасибо тебе, Лань-гэер.

Сун Чжи бережно уложил дядю Бая на кровать, а затем вытащил из-за пазухи кошель и положил его на стол.

— Это те люди отдали за... в качестве возмещения. Берегите его, тётя Бай, вам теперь одной поднимать Маньэр.

Дядя Бай был единственным кормильцем. Теперь, когда его не стало, эти сто лянов станут их единственным спасением на долгие годы, если тратить их с умом.

Тётя Бай схватила кошель и зашлась в беззвучном рыдании. Это были деньги, купленные ценой жизни её мужа.

Сун Чжи, не зная, как утешить их, тихо вышел. Он вернулся к себе домой через соседнюю калитку. Сю-нянь в комнате занималась рукоделием.

— Молодой господин, вернулись? — спросила она.

Сун Чжи забрал иголку с ниткой из её рук, обнял женщину за плечи и глухо произнёс:

— Дядя Бай погиб.

За два года, что они жили в этом переулке после переезда от Чжан Хуэя, семья Бай стала им родной.

— Погиб? — вскрикнула Сю-нянь. — Что случилось?

Сун Чжи вкратце пересказал то, что произошло на улице Аньчжэньмэнь. Когда он закончил, лицо Сю-нянь странно преобразилось. На первый взгляд она казалась спокойной, но в глубине

этого спокойствия клокотала ледяная ярость и смертельная обида.

Сю-нянь ненавидела монголов. Сун Чжи знал это. Ненавидела до самых костей.

<http://bllate.org/book/17487/1692309>